

DOI: 10.15372/HSS20220207

УДК 94:82-6 (571.1/5)''18''

М.К. ЧУРКИН

**«ССЫЛЬНЫЙ РЕФОРМАТОР»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ М.М. СПЕРАНСКОГО
В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ**

Омский государственный педагогический университет,
РФ, 644099, г. Омск, Набережная Тухачевского, 14
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, г. Тобольск, ул. Академика Ю. Осипова, 15

В статье раскрывается содержание репрезентаций М.М. Сперанского в публицистике и эпистолярном наследии деятелей сибирского областничества. Поскольку в историографии в основном освещается административная деятельность реформатора и его окружения, а также раскрываются обстоятельства его ревизионной работы и практик реализации «Сибирского учреждения» в регионе, автор статьи основное внимание уделяет психологическим характеристикам имперского чиновника, во многом обусловленным его личным травматическим опытом. Именно он оказывал опосредованное влияние на самоощущение и мировидение М.М. Сперанского в период выполнения им генерал-губернаторских обязанностей. Обращение к эго-текстам лидеров сибирского областничества позволило глубже осмыслить логику поступков М.М. Сперанского, поскольку многие представители областнического направления общественно-политического движения в России второй половины XIX в. сами являлись носителями опыта травматического переживания, обладая тем самым возможностью понимать и оценивать мотивы и поведенческие практики реформатора в исследуемый период.

Ключевые слова: репрезентации М.М. Сперанского, сибирское областничество, публицистика и эпистолярное наследие, психологическая травма.

М.К. CHURKIN

**«EXILED REFORMER»: REPRESENTATIONS OF M.M. SPERANSKY
IN THE JOURNALISM AND THE EPISTOLARY HERITAGE OF SIBERIAN REGIONALISTS**

Omsk State Pedagogical University,
14, Tukhachevsky Emb., Omsk, 644099, Russian Federation
Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch RAS,
15, Acad. Yu. Osipov str., Tobolsk, 626152, Russian Federation

M.M. Speransky, an outstanding state figure of the XIX century, the Siberian Governor-General (1819–1822), left a significant mark in the administrative-political organization history of the outskirts of Russia, which was an important plot of the domestic imperialism building, and became the subject of close attention of researchers.

At the same time, the Soviet and post-Soviet historiography emphasized mainly the content and results of M.M. Speransky's reform activities in Russia and Siberia, as well as the important episodes of his personal biography during the rapid career growth (until March 1812). Much less attention was paid to the description and scientific-research reflection of the personal traumatic experience of the highest imperial official in circumstances of exile and "disgrace" (1812–1816), as well as to the understanding of Speransky's self-feelings in the subsequent years marked by his activities as Penza Civil Governor and Siberian Governor-General.

A prominent contribution to this problem statement and development was made in the 1870s by representatives of Siberian regionalism (V.I. Vagin, G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev). They drew attention in their journalism and private correspondence to the consonance of their own socio-political biographies with the life experience of an outstanding Siberian reformer, that allowed them to reproduce the personality and activity of M. Speransky taking into account the experienced psychological trauma.

Appealing to the modern interpretations of the "trauma" concept and ways to overcome it made it possible to reveal the ideas of Siberian regionalism on M. Speransky's personal feelings and experiences at different stages of the reform activities in Siberia, the adaptive behavior strategies of the official, dependence of decision-making on the psychological state in a difficult life situation.

Михаил Константинович Чуркин – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН; e-mail: proffchurkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>;

Mikhail K. Churkin – Doctor of History Sciences, Professor of the Department of National History, Omsk State Pedagogical University; Leading Researcher, Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch RAS.

Based on the ego-texts of the Siberian regionalism leaders, the study reveals, that implementing the administrative and management mission in Siberia by M. Speransky fell into victimized and resilient stages in psychological terms. In their frames, there was a gradual overcoming of trauma and changing the world perception of the reformer, which formed a positive background for regional transformations.

Key words: representations of M.M. Speransky, Siberian regionalism, journalism and epistolary heritage, psychological trauma.

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историографии обращение исследователей к конструированию личной и общественно-политической биографии М.М. Сперанского тесно переплетено с проблемами реформирования политической системы России первой половины XIX в., административной инкорпорации окраин в общеимперское пространство, включения зауральских территорий в имперскую географию власти [Зайончковский, 1978; Ерошкин, 1985; Ремнев, 2015; Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., 2016].

Значительный вклад в создание биографии М.М. Сперанского как сильной личности и государственного деятеля внесли многие российские исследователи второй половины XIX–XX вв. [Корф, 1861; Нольде, 1989; Лонгинов, 1961; Чибиряев, 1989; Дружинина, 2008]. Признавая несомненную значимость их работ, отметим, что в фокусе внимания специалистов оказывались преимущественно сюжеты реформаторской деятельности М.М. Сперанского в России и Сибири, знаковые эпизоды его личной биографии в период карьерного подъема, при этом вне поля зрения оставались годы «опалы», ссылки, сопровождаемые переживанием им травмы трудной жизненной ситуации, безусловно, отразившейся на его мировосприятии и социальном поведении.

В связи с этим представляется продуктивным обращение к публицистическому и эпистолярному наследию лидеров областничества, поскольку в основе их репрезентаций М.М. Сперанского как сибирского реформатора лежит чувство осознанного сопереживания, эмпатии, основанной на сходстве травматической ситуации, вызванной ограничением личной свободы и необходимостью выбора стратегий преодоления травматического опыта.

В методологическом плане отметим, что концепт «травма» оформился в качестве психологической категории в конце XIX в. в медицине (психиатрии). Согласно интерпретации А. Ассман, он соотносится с переживанием жизненно опасного, глубоко ранящего душу крайнего насилия, которое нарушает обычный защитный барьер восприятия и не может быть психологически освоено, преодолено в силу угрозы для целостности личной идентичности [2014].

В исследованиях психологической области знания присутствует позиция, согласно которой психологическая травма не всегда вызывает только негативные последствия, поскольку на ее фоне формируются адапционно-транзиторные реакции человека

в ответ на новые условия жизни, что приводит к посттравматической трансформации личности [Одинцова, 2015, с. 104]. В современных исторических работах «травма» часто трактуется как «социальный факт», который порождает разрушительные события. «Травма» распространяется среди членов определенной группы, разделяющих этот факт, интерпретируется и воспринимается группой как нечто, налагающее обязательства с моментами принуждения на их действия [Логунова, 2009, с. 126].

Таким образом, аккомодация современной интерпретации понятия «травма» дает исследователю шанс выявить представления сибирских областников о личных чувствах и переживаниях М.М. Сперанского на разных этапах его реформаторской деятельности в Сибири, определить стратегии его адаптивного поведения, объяснить зависимость решений, принимаемых чиновником, от его психологического состояния в условиях трудной жизненной ситуации.

ДЕЛО «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ»: РИТОРИКА «ТРАВМЫ»

Напомним, что исходным сюжетом формирования психологической «травмы» областников, определившей во многом модели ее рецепции и репрезентации в публицистике и эпистолярных практиках, стал знаменитый процесс «сибирских сепаратистов» в 1865 г., по результатам которого наиболее активные, с точки зрения следствия, фигуранты – Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, Н.С. Щукин и другие – были подвергнуты различным наказаниям (в частности, Г.Н. Потанина – гражданской казни и пятилетней каторге в крепостях), после чего высланы под надзор полиции в северные губернии европейской части России [Чуркин, 2019, с. 68].

Принимая во внимание, что дело «сибирских сепаратистов» имеет обширную историографию, отметим, что за гранью исследовательского интереса остается эмоциональная реакция «жертв», сложная система их душевных переживаний, неизменно транслируемая в областнических текстах.

Рефлексируя состояние своего одиночного заключения на этапе следствия, Н.М. Ядринцев впоследствии описывал его в риторике травмы: «...долго еще пришлось бороться с воспоминаниями и картинами прежней жизни, с влечением к свободе. Много нужно было времени, чтобы отрешиться от прошлого, не смотреть в будущее и стать хладнокровным зрителем и наблюдателем окружающего: до тех пор

мне пришлось вынести всю тяжесть одиночного подследственного заключения и самую суровую тюремную обстановку» [Ядринцев, 2015, с. 53].

В письмах Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину, относящихся к периоду 1872–1874 гг., сюжеты, связанные с переживанием травмы, встречаются регулярно. В одном из своих посланий он отмечал: «Долго ли мы будем мыкать свое горе – неизвестно... Щукин, как слышали, [вероятно, напоследок] сделал одну умную вещь: он умер. Шайтанов женился на мещанке в Пинеге, изобретает какую-то водку, завел трактор и учит жену на фортепьянах...» [Ядринцев, 1918, с. 7]. Ядринцев сетовал, что в Шенкурске нет людей одинаковой с ним породы: Шашков был сосредоточен в себе, Ушаров пил и все больше опускался: «Я одинок, как и Вы, – писал Ядринцев Потанину, – и космополитическая среда, и ее интересы, и разговоры не удовлетворяют меня. Мне нужны птицы одной породы, и на соседство с Вами я променял бы все прочие соседства» [Ядринцев, 1918, с. 48].

Г.Н. Потанин, лишь эпизодически касаясь темы своего заключения, прибегает к самоиронии как инструменту переживания и инкапсуляции психической травмы, повествуя о драматическом этапе биографии с характерной для его стиля лаконичностью, напускной легкостью и остроумием: «Об образе моей жизни в Свеаборге не хотелось бы писать, но вкратце постараюсь удовлетворить Ваше требование. Первые полгода работал на площадях, бил молотком щебень, возил таратайки с камнем, колол лед, пилил дрова, пел “Дубинушку”, сиживал в гребях. Наконец начальство в виде улучшения моего положения назначило меня в собакобой, и целое лето я был собачьим Аттилой и ужас насаждал в собачьи сердца. Потом меня повысили еще выше – в дровораздаватели, потом в огородники и учителя. Кормили нас овсом, что и прилично было для животных, возивших таратайки. Три года не пил чаю, не ел говядины, жил шекером и не получал ни от кого писем, кроме одного от Ивана Федоровича Соколова, да двух от Катанаева» [Письма Г.Н. Потанина, 1987, с. 82].

МОТИВ «ТРАВМЫ» В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ М.М. СПЕРАНСКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ПИСЬМАХ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ

В публицистике и эпистолярном наследии областников мотив «травмы» в репрезентации «темы» М.М. Сперанского встречается довольно часто. Одним из инициаторов продвижения сюжета о реформаторской деятельности Сперанского стал известный сибирский публицист и общественный деятель В.И. Вагин, подготовивший и издавший в 1872 г. фундаментальный труд, посвященный деятельности графа Сперанского в Сибири в 1819–1822 гг. [1872], а также в наиболее активный период своей журналист-

ской деятельности 1870–1880-х гг. серию публикаций о личности российского реформатора.

В.И. Вагин, ссылаясь на переписку реформатора с дочерью Елизаветой, в частности, на фрагмент послания из Тобольска от 14 июня 1819 г., в котором М.М. Сперанский буквально вопиет о невозможности не только найти в себе силы и способы «здесь остаться», но и «представить себе сие вероятным» [Сперанский, 1869, с. 10], комментирует: «Сперанский называл свое пребывание в Сибири “путешествием”. Это название было вдвойне справедливо. Оно было справедливо и в смысле временного пребывания в стране, сопряженного с непрерывным перемещением, и в другом, высшем смысле. Мы привыкли называть путешествием не простую поездку к определенному пункту, а основательный, неторопливый осмотр целой страны... Именно такой характер имело путешествие Сперанского по Сибири» [Вагин, 1872, с. 42]. В.И. Вагин пришел к заключению, что «...это громкое назначение, – для многих предмет честолюбия, желаний, тайных и явных искательств, – было новым жестоким ударом для Сперанского. Оно разрушало самые душевные его мечтания..., поскольку конечной целью тайных желаний и надежд Сперанского было возвращение снова в Петербург, а через Петербург ко двору и в прежнюю милость. Поездка в Сибирь надолго отдаляла его от этой цели... Все пребывание его в Сибири было отравлено этим горьким чувством» [1869, с. 41, 42]. По мнению областника, «горькое чувство» изгнанничества определяло и настроение М.М. Сперанского, с которым он приступал к ревизии: «Иркутскому исправнику Волошинову он сказал, что с ним уже “ознакомлен”; от смотрителя магазинов, Карпушенкова, “отскочил”... Замечено было также его нерасположение к советнику казенной экспедиции Тукалевскому...» [Там же, с. 50–51].

Тема репрезентации личности и деятельности М.М. Сперанского в Сибири получила дальнейшее развитие в работах и частной переписке лидеров сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Так, Потанин, информируя Ядринцева о книжных новинках, пишет: «Не будете ли писать рецензию по поводу новой книги о Сперанском? Не худо бы. Ваше мнение, что его душевное расположение было испорчено чувством ссыльного, справедливо. Я отлично испытал чувство чалдона, проходя по живописной южной Финляндии. Только очерк, в котором описал сие, остался не посланным в Питер» [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 106–107].

В другом случае Г.Н. Потанин, со ссылкой на В.И. Вагина, определяет М.М. Сперанского как «конвикта» – администратора, назначенного в Сибирь в виде почетной высылки из столицы [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 144; 245]. Обращаясь к Ядринцеву,

Потанин восклицает: «По поводу книги “В память графа Сперанского” давайте рецензию в КВГ (Камско-Волжская газета. – М.Ч.) с указанием, как этот сановный “конвикт” был отравляем во все время своей реформаторской деятельности в Сибири сознанием своей ссылки, и было бы недурно украсить статью легендой о кучумовом татарине, идущем в неприятельский стан за стрелой» [Письма Г.Н. Потанина, 1989, с. 158].

Наиболее многомерный и глубокий анализ душевного состояния будущего сибирского реформатора, не ограниченный лишь формальным признанием принадлежности М.М. Сперанского к когорте «униженных и оскорбленных», но и оценкой фигуры государственного чиновника в контексте перспектив реформ, представлен в публицистике и письмах Н.М. Ядринцева.

С одной стороны, Ядринцев, критически реагируя на вышедший сборник материалов для биографии М.М. Сперанского, подобно своим собратьям по перу (В.И. Вагину, Г.Н. Потанину), делает акцент на особом настроении, душевном состоянии чиновника, воспринявшего свою миссию как продолжение репрессивных мер со стороны власти. Публицист упоминает о письме графа В.П. Кочубея, иллюстрировавшем большие надежды друзей реформатора в связи с его назначением на должность сибирского генерал-губернатора: «от Вас ожидают не роли ревизора, не исследователя мелких злоупотреблений, но видов государственного человека»; «Вы можете составить систематическое обозрение края, представить план к образованию управления в сих колониях наших» [Ядринцев, 1918, с. 42–43]. Однако, по его убеждению, Сперанский в своих ощущениях был весьма далек от подобного понимания своего статуса: «Сперанский не смотрел так возвышенно на свою задачу. В письмах к дочери он постоянно жалуется, смотрит на назначение, как на ссылку... Это въехал не реформатор, но ссыльный, хотя и на важном poste. Понять настроение духа этого человека может только изгнанник же и ссыльный» [Там же, 1918, с. 43].

С другой стороны, Н.М. Ядринцев отмечает, что «Сперанский смотрел на пребывание в Сибири как на ступень к скорейшему приближению, но, в то же время, досадовал, что ему приходится пройти эту ступень. После этого неудивительно то, что он к своему назначению относился без энтузиазма, без того увлечения, которое вдохновляло его в прежних реформах... Такое настроение не было особенно благоприятно для реформаторской деятельности» [Ядринцев, 1876, с. 403].

Вместе с тем, Н.М. Ядринцев, фиксируя внимание на душевном состоянии М.М. Сперанского в рассматриваемый период, не ограничился лишь констатацией его травматических ощущений, пытаясь вы-

явить основные стратегии переживания травмы на личностном уровне: «Сперанский, как личность недюжинная, благодаря сильной и талантливой натуре, сумел также под конец освободиться от предубеждений и выйти с торжеством из борьбы своих чувств...» [1876, с. 408].

В данном плане стремление Н.М. Ядринцева сформировать системное представление об эволюции отношения М.М. Сперанского к региону и своей миссии представляется интересным в системе координат современных исследований психической травмы и возможных сценариев ее преодоления.

Подчеркнем, что в специальных исследованиях психологическая травма определяется как состояние сильного испуга, переживаемого человеком при столкновении с внезапным, потенциально угрожающим его жизни событием, которое превосходит его возможности и которое он поэтому не способен ни контролировать, ни сколько-нибудь эффективно на него отреагировать [Мазур, 2003, с. 32]. Принято считать, что источником психопатологии является не столько травматическая ситуация, пережитая человеком, сколько тот устрашающий смысл, который событие приобретает для индивида, его внутреннее представление, аффект. Таким образом, травматическое переживание, как правило, затрагивает более глубокие слои души [Мазур, 2003, с. 34].

Автор статьи, безусловно, отдает себе отчет в том, что описание современных психотерапевтических и фармакологических методик, сопутствующих амортизации и преодолению психической травмы, не имеет в конкретном случае исследовательских перспектив. Эффективным представляется подход П. Левина, полагающего, что готовность к преодолению травматической ситуации заложена в биологии человека [Levine, Chitty, 1994, p. 13], а это позволяет говорить о существовании естественных природных возможностей индивида к самоисцелению, к саморегуляции с опорой на внутренние ресурсы организма.

По сути, Н.М. Ядринцев в своих размышлениях о самоощущениях Сперанского в Сибири, зафиксированных в личных свидетельствах реформатора, невольно поднял и частично решил вопрос о путях овладения своим героем травматическими переживаниями и кризисными состояниями, а также о способах преодоления трудной жизненной ситуации.

Диагностируя характер «травмы» М.М. Сперанского, можно трактовать ее как «травму отношений» (отверженность, изгойство), преодоление которой осуществляется в двух форматах: виктимном (жертвенном) и жизнестойком. Виктимный образ жизни как преодолевающая стратегия предполагает пассивные (избегание) и асоциальные модели переживания травмы. Н.М. Ядринцев, основываясь на дневниках и письмах М.М. Сперанского к дочери, от-

мечал аффективное, предельно эмоциональное восприятие чиновником ситуации, связанной с назначением на должность генерал-губернатора. Ядринцев приводит говорящие сами за себя фрагменты писем Сперанского к дочери: «Отправление меня в Сибирь я причислял всегда к составу бедствий, постигших меня... Я ехал, или лучше сказать меня везли в Сибирь, теми же улицами, что и сентября 18 дня 1812 года (вспоминая прежнюю ссылку) [Ядринцев, 1876, с. 398–399]. Психологами доказано, что аффективные переживания как проявление травмы могут влиять на когнитивные способности человека в этот период, которые оказываются ослабленными и ограниченными, как у ребенка, закатывающего истерику [Лихтенберг и др., 2003]. По словам Н.М. Ядринцева, мрачное настроение духа не оставляет Сперанского и при въезде в Сибирь: «Он проезжает Уральские горы и остается ими недоволен... Тюмень – город печальный. Тура сердита... Дорога неудобная...» [Там же, с. 399]. Ядринцев констатирует, что первые впечатления во многом определили общие воззрения М.М. Сперанского на Сибирь как объект государственных реформ. Он приводит отрывок из письма чиновника к дочери, подтверждающий его весьма раздраженное состояние: «Не слушай рассказов о сибирской природе. Сибирь есть просто Сибирь... Надобно иметь воображение не пылкое, но сумасбродное, чтобы видеть тут какую-то Индию... Сибирь – прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли..., но не место для жизни и высшего гражданского образования, для устройства собственности, основанной на хлебопашестве, фабриках или внутренней торговли» [Сперанский, 1869, с. 11–12].

Одним из признаков аффективного восприятия трудной жизненной ситуации в обстоятельствах травмы является неспособность личности активно противодействовать стрессогенному фактору. Н.М. Ядринцев писал, что М.М. Сперанский, отмечая на страницах своего дневника великолепность видов Забайкальского берега и незамерзающей Ангары, не перестает жаловаться: «Как велика земля русская! И здесь те же люди, та же чернь, те же нравы и обычаи, те же почти пороки, и добродетели. Сие единство почти непонятное. Во всех других государствах несравненно больше разнообразия» [Ядринцев, 1876, с. 401]. Ядринцев заключает: «эти жалобы постоянно звучат в письмах к дочери, в беседах с которой он больше всего отдается своей грусти..., он живет мыслью о возврате...» [Там же, 1876, с. 401], и далее: «Сперанский смотрел на Сибирь также, как смотрят все ссыльные. Мы не говорим, что реформатор был в неволе..., но, приняв поручение, он сам себя хотел таким видеть» [Там же, с. 405].

Исследуя модель поведения и самооощений М.М. Сперанского в сибирский период, Н.М. Ядрин-

цев приходит к убеждению, что в процессе погружения в ревизионную деятельность происходил постепенный перелом в настроении чиновника, приведший к выбору и осуществлению жизнестойкой стратегии преодоления травмы. Это новое состояние, называемое в психологии антиципацией, предполагает активацию внутренних ресурсов человеческой психики, определяющих способность предвосхищать ход событий, прогнозировать ситуацию и предполагать собственные реакции на меняющуюся внешнюю обстановку. В понимании Н.М. Ядринцева, сработала широка мировидения М.М. Сперанского, его природный интеллект и взгляды просвещенного европейца. Исследователь констатирует: «Видно, что на этой последней грани Востока великого человека охватило обаянием Азии. Он с любопытством в первый раз начал всматриваться в этот особый мир... Его мечта несется высоко, у него является идея, до которой только может достигать горячий поклонник Азии, это мечта о “свете с востока”...» [Там же, с. 402].

Выбор жизнестойкого образа жизни в качестве стратегии выхода из травмирующей ситуации психологи характеризуют как ситуацию повышения активности, в том числе коммуникационной, а также позитивного восприятия мира [Одинцова, 2015, с. 108]. Н.М. Ядринцев замечает, что несмотря на карикатурное видение своего сибирского окружения, М.М. Сперанский «сталкивается с обществом, ищет знакомства, нарочно устраивает балы, проникается идеей возбудить общественную жизнь..., следит, как пробуждается эта жизнь в молодом обществе» [Ядринцев, 1876, с. 403]. Публицист фиксирует освобождение своего персонажа от травматического оцепенения: «Поразительную перемену представляет его возвращение из Иркутска. Чувства, впечатления, воззрения – все изменяется. Он живет новой жизнью..., смотрит ясными и спокойными глазами на страну...» [Там же, с. 405]. Характерно, что в качестве дополнительного пускового механизма преодоления травматического состояния Сперанским Ядринцев называет не только внутренние, но и внешние ресурсы – сибирскую природу, которая «открывается перед ним в истинном ее свете»; «виды становятся живее, мягче, прекраснее» [Там же, с. 405].

Обращение личности, пережившей травматический опыт, к конструктивным защитным механизмам психики на практике означает, что человек, используя таковые, предпринимает сознательные усилия по переработке травмы и поиску новых смыслов бытия, и это способствует его исцелению. Н.М. Ядринцев фиксирует данное состояние: «Мы видели, что на Сибирь он смотрел сначала только как на место ссылки, любопытное разве только в минералогическом отношении, но не как место культуры; теперь точка зрения его радикально изменяется» [Там же, с. 406].

Сперанский, по мнению Ядринцева, не относится более с предубеждением к востоку, напротив – восток наводит его на новые мысли и идеи, в частности, окончательно убеждает, что «Сибирь – это не скучная и ничтожная страна ссылки»; «совокупность всех степеней быта от звероловного до земледельческого и судьба инородцев обращает его деятельное внимание»; «он пророчил Сибири сильное население, обширное земледелие, развитие скотоводства и промышленности»; «признает Сибирь страной со всеми задатками полного гражданского и политического развития» [Там же, с. 408].

В целом опыт репрезентации личности и деятельности М.М. Сперанского, предпринятый Н.М. Ядринцевым, позволяет зафиксировать позитивные результаты преодоления травматической жизненной ситуации субъектом исследования на поведенческом, эмоциональном и когнитивном уровнях, что не могло не оказывать воздействия на содержание и результаты реализации реформаторских практик в Сибири в 1819–1822 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в основе репрезентаций М.М. Сперанского как личности, государственного деятеля и сибирского реформатора в публицистике и письмах представителей областничества лежал их собственный травматический опыт, активно переживаемый в условиях частичного ограничения свободы периода политической ссылки. Во многом поэтому сюжеты, посвященные генерал-губернаторскому (сибирскому) периоду биографии М.М. Сперанского, максимально плотно оказались озвучены в творчестве областников в 1870-х гг. По нашей версии, ссылка до определенной степени способствовала «инкапсуляции» психологической травмы областников, конструированию такой коммуникативной среды, в которой дефицит прямого общения компенсировался публицистической активностью и интенсивными эпистолярными контактами, что косвенно способствовало видоизменению общественно-политических представлений сибирских либералов и эволюции областной идеологии.

В статьях, книгах и письмах лидеров областничества создавался образ «своего Сперанского» – человека, с одной стороны, пострадавшего от власти, а с другой – представляющего близкий областникам образец имперского чиновника, располагающего к сотрудничеству и консолидации общественных сил в сфере решения насущных сибирских вопросов.

В работах областников движущей силой реформаторских планов и действий М.М. Сперанского в равной степени признавался его травматическо-репрессивный опыт. Однако, если В.И. Вагин и Г.Н. По-

танин в своих рассуждениях ограничились лишь констатацией первоначальных чувств, душевных переживаний и самоощущений Сперанского, то Н.М. Ядринцев предпринял оригинальную попытку осмысления и описания долгосрочного переживания высшим чиновником травмирующей жизненной ситуации в контексте его государственно-административных преобразований в Сибири. По убеждению Н.М. Ядринцева, решающим, обеспечившим эффективность реформ стал субъективный фактор, личное отношение М.М. Сперанского к Сибири, во многом связанное с его собственным травматическим опытом, постепенное преодоление которого позитивно проявилось в реализации административно-управленческих практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 гг.: а 2 т. СПб.: Тип. 2-го отд. собственной Его имп. величества канцелярии, 1872. 801 с.
3. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. М.М. Сперанский в Иркутске. 1819–1822. Иркутск: 2016. 48 с.
4. Дружинина Т.А. Дополнения к биографии и личностной характеристике М.М. Сперанского по переписке его с П.Г. Масальским // Известия Пензенского гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 9 (13). С. 98–102.
5. Ерошкин Н.П. Местные государственные учреждения до революционной России 1800–1860. М.: Наука, 1985. 98 с.
6. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М.: Наука, 1978. 288 с.
7. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: [т. 1-2]. СПб.: Изд. Имп. публичной б-ки, 1861.
8. Лихтенберг Дж., Лачманн Ф., Фосседж Дж. Аффективное переживание: золотая нить в клиническом взаимодействии // Журн. практической психологии и психоанализа. 2003. № 1. URL: <https://psyjournal.ru/articles/affektivnoe-perezhivanie-zolotaya-nit-v-klinicheskom-vzaimodeystvii>
9. Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. № 9. Сентябрь. С. 126–136.
10. Лонгинов М.Н. Граф Сперанский. Б. м., б. и., [18–?]. С. 337–576.
11. Мазур Е.С. Психическая травма и психотерапия // Московский психотерапевтический журн. 2003. № 1. С.31–52.
12. Нольде А.Э. Граф М.М. Сперанский. Опыт характеристики / Публикация М. Раева // Новый журн. Нью-Йорк, 1989. Кн. 175. С. 131–154.
13. Одинцова М.А. Преодолевающие стратегии поведения лиц, объединенным схожим травматическим опытом // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. вып. 1. С. 104–110.
14. Письма Г.Н. Потанина / под ред. Ю.П. Козлова. Иркутск: Изд-во Иркут., ун-та, 1987. Т. 1. 275 с.
15. Письма Г.Н. Потанина / под ред. Ю.П. Козлова. Иркутск: Изд-во Иркут., ун-та, 1989. Т. 3. 296 с.
16. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
17. Сперанский М.М. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М.: Тип. Грачева и К^о, 1869. 252 с.

18. Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М.: Наука, 1989. 213 с.

19. Чуркин М.К. Историческая «травма» колонизации в рецепции сибирского областничества (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Ядринцевские чтения: материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 30–31 окт. 2019 г. Омск: ОГИК-музей, 2019. С. 66–72.

20. Ядринцев Н.М. М.М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестн. Европы. 1876. Т. 3, № 5. С. 93–116.

21. Ядринцев Н.М. Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск: Тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1918. Вып. 1. (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 года). 232 с.

22. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.

23. Ядринцев Н.М. Чувства Сперанского к Сибири (посвящается В.И. Вагину как собирателю дорогих для Сибири материалов о Сперанском) // Сборник газеты «Сибирь». СПб., 1876. Т. 1. С. 397–408.

24. Levine P., Chitty J. New Insights into trauma Therapy. APTA National Conference, 1994. 172 p.

REFERENCES

1. Assman A. (2014). Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 328 p. (In Russ.)

2. Vagin V.I. (1872). Historical information on the activities of Count M.M. Speransky in Siberia, 1819–1822. Saint Petersburg, Tip 2-go otd. Sobstvennoy Yego imp. Vilichestva kantselyarii, vol. 2, 801 p. (In Russ.)

3. Dameshek I.L., Dameshek L.M. (2016). M.M. Speransky in Irkutsk. 1819–1822. Irkutsk, Ottisk, 48 p. (In Russ.)

4. Druzhinina T.A. (2008). Additions to the biography and personal characteristics of M.M. Speransky through his correspondence with P.G. Masalsky. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no 9 (13), pp. 98–102. (In Russ.)

5. Eroshkin N.P. (1985). Local state institutions of pre-revolutionary Russia 1800–1860. Moscow, Nauka, 98 p. (In Russ.)

6. Zaionchkovskii P.A. (1978). The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century. Moscow, Nauka, 288 p. (In Russ.)

7. Korf M.A. (1861). Life of Count Speransky: in 2 vols. Saint Petersburg, Izd. Imperatorskoy publichnoy b-ki. (In Russ.)

8. Likhtenberg Dzh., Lachmann F., Fossedzh Dzh. (2003). Affective experience: a golden thread in clinical interaction. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psikhoanaliza*. No. 1. [Available online]. URL:

<https://psyjournal.ru/articles/affektivnoe-perezivanie-zolotaya-nit-v-klinicheskom-vzaimodeystvii>. (In Russ.)

9. Logunova L.Yu. (2009). The influence of historical trauma on the family and tribal memory of Siberians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 126–136. (In Russ.)

10. Longinov M.N. (2003). Count Speransky (1771–1839). [S. l., 18--?], pp. 337–576. (In Russ.)

11. Mazur E.S. (2003). Psychic trauma and psychotherapy. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*, no. 1, pp. 31–52. (In Russ.)

12. Nol'de A.E. (1989). Count M.M. Speransky. Characterization experience. Publication by M. Raev. *Novyy zhurnal* (New York), vol. 175, pp. 131–154. (In Russ.)

13. Odintsova M.A. (2015). Coping strategies of behavior of persons united by similar traumatic experiences. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, vol. 15, no. 1, pp. 104–110. (In Russ.)

14. Kozlov Yu.P. (ed.) (1987). Letters of G.N. Potanin. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 1, 280 p. (In Russ.)

15. Kozlov Yu.P. (ed.) (1989). Letters of G.N. Potanin. Irkutsk, Izd-vo Irkut. un-ta, vol. 3, 296 p. (In Russ.)

16. Remnev A.V. (2015). Siberia in the imperial geography of power in the XIX – early XX centuries. Omsk, Izd-vo Om. gos. un-ta, 580 p. (In Russ.)

17. Speransky M.M. (1869). Speransky's letters from Siberia to his daughter Elizaveta Mikhaylovna. Moscow, Grachev & Co, 252 p. (In Russ.)

18. Chibiryaev S.A. (1989). Great Russian reformer: life, activity, political views of M.M. Speransky. Moscow, Nauka, 213 p. (In Russ.)

19. Churkin M.K. (2019). Historical “trauma” of colonization in the reception of Siberian regionalism (the second half of the XIX – early XX centuries). *Yadrintsevskie chteniya: materialy V Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30–31 oktyabrya 2019 g.* Omsk, pp. 66–72. (In Russ.)

20. Yadrintsev N.M. (1876). M.M. Speransky and his reforms in Siberia. *Vestnik Evropy*, vol. 3, no. 5, pp. 93–116. (In Russ.)

21. Yadrintsev N.M. (1918). Letters from Nikolay Mikhailovich Yadrintsev to G.N. Potanin (1918). Vol. 1. Krasnoyarsk, Tip. Yenis. gubern. soyuza kooperativov, 232 p. (In Russ.)

22. Yadrintsev N.M. (2015). Russian community in prison and exile. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 752 p. (In Russ.)

23. Yadrintsev N.M. (1876). Speransky's feelings for Siberia: (dedicated to V.I. Vagin, a collector of materials on Speransky, dear to Siberia). *Sbornik gazety «Sibir'»*. Saint Petersburg, vol. 1, pp. 397–408. (In Russ.)

24. Levine P., Chitty J. (1994). New insights into trauma therapy: presentation of rep. on APTA nat. conf. [Available online]. URL: <https://somaticexperiencing.dk/wp-content/uploads/2017/02/1994-Chitty-on-Levine.pdf>.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022

Дата рецензирования 21.03.2022

Статья принята к публикации 04.04.2022